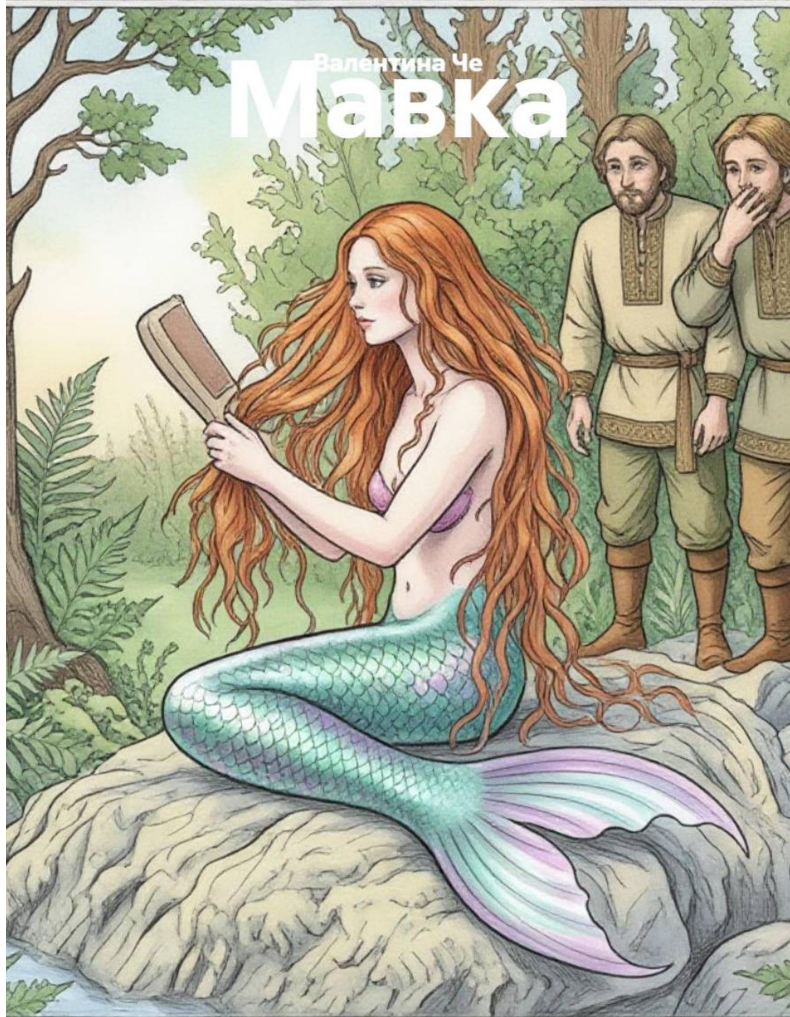

Валентина Че
Мавка

Валентина Че

Мавка

<https://litres.ru/74650539>

SelfPub; 2026

Аннотация

В сказке переплетаются быт русской деревни и древняя магия: хмельной крестьянин Кузьма встречает у лесного озера загадочную девицу — оказывается, это мавка Велеслава, обречённая возвращаться в омут. Он приводит её в свой дом, и она становится частью семьи, старательно помогая по хозяйству, но в её глазах навсегда остаётся тоска по иному миру. В доме постепенно нарастает тревога: Велеслава шепчет детям забытые слова, от которых вздрагивает сама земля, а над семьёй сгущается тень её проклятия. Старший сын Кузьмы, Тихомир, вопреки предостережениям и опасности, тянется к Велеславе и готов встать щитом между ней и бедой — даже если ради этого придётся бросить вызов самой судьбе. На фоне деревенской жизни и старинных поверий разворачивается история о любви, долге и цене, которую приходится платить за попытку удержать рядом то, что по своей природе не может принадлежать земному миру.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Валентина Че Мавка

Глава

Когда еще по заутру, едва-едва соловей заводил свою переливную трель, когда над лесным озером вставал белесый туман, и теплый ночной ветер затихал, на берег выплыла девица, лет шестнадцати от роду. Выступив из вод, села она на большой камень и стала перебирать прядки золотых волос высвобождая нитки водорослей и бросая их обратно в пучину. Тихо напевала она песню без слов, и движения ее были плавны и безмятежны, словно веяла над нею сила древняя. С каждым звуком из глубины поднимались рыбки малые, светившиеся, будто искры живые, и кружились во круг нее хороводом. Волосы её теперь казались не просто золотыми — в них вспыхивали и гасли огоньки крохотные, точно вплетено было само звёздное небо. Провела она ладонью по глади озерной, и отозвалась вода звоном мелодичным, похожим на перезвон хрустальных колокольчиков. В этот миг весь мир будто замер: даже туман, казалось, перестал стелиться над водой и застыл прозрачными волнами. Её песня была без слов, но в ней слышалось всё — и шёпот ветра, и плеск волн, и далёкие крики ночных птиц. Она сидела скло-

нив голову, и свет уходящей луны ложился на волосы её, превращая золото в серебро.

В этой тишине, где жила целая вселенная, из тьмы прибрежных кустов за ней следили четыре мутных глаза. То были два мужика деревенских, что возвращались из кабака хмельные изрядно. По дороге тешили они друг друга рассказнями о нечистой силе, что водятся в этих лесах и озерах. На русальной неделе такие речи были в ходу: матери стращали детей, чтоб не бегали далеко в чащу, а отцы нарочно подливали масла в огонь, сказывая, как в прошлые годы в русальную неделю пропадали люди — уходили за хворостом и не возвращались, будто поглотила их земля или вода. И теперь, когда перед ними из темноты проступила фигура тонкая, застывшая у самой кромки воды, мужики на миг оцепенели, позабыв про хмельную удаль. Один из мужиков толкнул другого локтем и прохрипел шепотом: — Гляди... То ж русалка! Верно тебе говорю, вон рыбки светятся вокруг неё, а в волосах будто звёзды горят. Второй попятился, крестясь и бормоча под нос обрывки молитв: — Не к добру это, не к добру... Пойдём отсюда, пока не узрела нас. Но Кузьма, захмелевший да осмелевший, шагнул вперёд, и гаркнул так, что слова его прокатились эхом над гладью водной:

— Чур, моя!

Товарищ его, услышав это, бросился наутек скрывшись за тенью деревьев. В тот же миг песня девицы оборвалась. Светящиеся рыбки метнулись в глубину и сгнули, будто и не

было их. Туман, до толе застывший прозрачными волнами, вдруг зашевелился, потянулся к берегу серыми щупальцами словно зверь неведомый. Медленно подняла девица голову. Глаза ее, прежде спокойные и безмятежные, теперь казались тёмными провалами, где мерцали холодные искры. Поднялась она во весь рост – не высока станом, кожа почти белая, а волосы рыжие струились, окутывая стан её и скрывая от любопытного взора Кузьмы. — А ты уверен, что сдюжишь? – промолвила она.

- А чего не сдюжить!?! С нами жить будешь, да по дому помогать станешь! - снял с себя кафтан старый, потрепанный, накинул ей на плечи, чтобы прикрыть наготу, взял за руку и повел через лес к своему двору.

Жил Кузьма в избе небольшой, с семьей своей, и хозяйство держал не малое: две коровы, лошаденка старая, овец кудрявых десятков, кур два десятка, огород просторный да сад. Жена его венчаная - Прасковья и сыновья: старшему уж девятнадцать лет - Тихомир, средним братьям двенадцать и десять: Святослав да Ростислав; а младшему всего два года от роду - Любомир. Только дочери им господь не дал, очень уж мечтал Кузьма о дочке.

И каждый вечер, когда солнце садилось за садом, выходил Кузьма на крыльцо, сажал к себе на колени Любомира и шептал ему:

— Вот бы сестрёнку тебе, чтобы было кому за тобой приглядывать, да чтобы в доме голосок звонкий звенел...

Прасковья, слыша это, лишь тихо улыбалась, повязывая платок потуже, да гладила мужа по плечу: - Бог даст — будет и девочка. А пока у нас дел неувпоровот, да мальчишки растут — опора наша. И правда, Тихомир уже сам с лошадыю управляет, Святослав с Ростиславом бегают по огороду, отгоняя кур от грядок, а Любомир, хоть и отрок малый, уже тянулся вслед за братьями, стараясь не отставать от них не на шаг.

С каждым годом всё больше Кузьма терял надежду ловил себя на том, что к каждому детскому голосу за околицей прислушивается чутко: не чужая ли девица по дороге бежит, а вдруг то дочь его долгожданная родная? Прасковья примечала эти взгляды мужа и лишь вздыхала про себя, стараясь лишний раз не бередить сердце, ведь уже три девочки не рожденные...

А однажды под вечер, когда солнце за лесом садилось, окрашивая избу в тёплый медовый цвет, молвила Прасковья: «Кузьма, довольно терзаться. Господь даст — будет дитя, а нет — так мы друг у друга есть». Кузьма лишь молча кивнул, но в ту ночь снова встал у окна, вслушиваясь в ночную тишину, и почудилось ему, будто где-то далеко, за полем, вновь раздался звонкий смех — такой родной, словно из сна.

Когда Кузьма подвёл молчаливую девушку к избе, навстречу вышла Прасковья. Увидела мужа с незнакомой — и кровь отхлынула от лица. — Да что ж ты творишь, окаянный?! — всплеснула она руками. — Беду в дом ведёшь, а о

детях подумал?!

- То дочь наша! «Помогать тебе станет!» —сказал, как отрезал. Знал, что она возражать не станет, нет у нее такого права, мужу перечить.

Прасковья взяла девицу за прохладную руку и повела ее в чулан.

- Здесь жить будешь. Богу за тебя молиться стану: может, убережет он и тебя и сыновей моих.

- Не молись за меня, - отвечала та. - за сыновей своих проси, за семью свою! Свой грех я знаю, нет мне прощенья.

- Как звать тебя? Не кликать же тебя мавкой!?

- Зови Велеславой.

Достала тогда Прасковья из сундука рубаху нательную да сарафан, косу девице заплела, на голову платок повязала. Страх не было в сердце её перед девушкой, лишь надежда тихая: авось уйдет сама, беду не оставит.

Стала жить Велеслава в их доме. Убирала, готовила, за скотиной ходила - да всё молча, будто слова ей были в тягость. Прасковья на неё искоса поглядывала: и старательна девица, и руки у нее ловки, а в глазах — такая тоска затаенная, что и глядеть страшно. Не раз шептала она мужу: «Не к добру это, сердцем чую: не простая она». А тот лишь хмурился да отмахивался: «Молчи, баба. Взял в дом, значит наша». «Да ты погляди. Как она с сынами моими управляется! Слушаются ее как замороженные!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.